

Инна Макарова
Санкт-Петербург (Россия)

Дискурс корабля в мифологии (к вопросу об изучении интрадискурса Ноева ковчега)

В различных мифопоэтических системах корабль выступает одновременно в качестве символа спасения и/или новой жизни, но также и гибели, реализуя, таким образом, свои дихотомические свойства. Амбивалентность корабля связана с противоречивыми чувствами, которые порождает этот образ в сознании человека, вселяя одновременно надежду и страх в души людей. Наличие двух этих свойств, наряду с другими отличительными характеристиками, позволяет рассматривать мифопоэтический образ корабля в качестве уникального явления мировой культуры.

На протяжении нескольких тысячелетий мифопоэтический образ корабля существует в пяти основных художественных ипостасях: ветхозаветный Ноев Ковчег, античная ладья Харона, скандинавский корабль мертвецов Нагльфар, средневековый Корабль Дураков и Летучий Голландец эпохи Романтизма. Эволюция символа корабля в мировой культуре привела к появлению самостоятельного дискурса, оформившегося на заре возникновения европейской цивилизации, в лоне которой, впоследствии, корабль станет одним из трех центральных универсальных мифопоэтических образов триады, наряду с более ранними концептами – деревом и розой. Дискурс корабля, а вернее его интердискурс, включающий пять самостоятельных художественных форм – полновесных дискурсов, представленных в разнообразных видах искусства, представляет особый интерес с точки зрения анализа его интрадискурса, т.е. совокупности всего множества фрагментов, включенных в состав последующей дискурсии. Подобное исследование является чересчур обширным в рамках предложенного формата, в связи с чем, в настоящей статье речь пойдет об

изучении интрадискурса одного из перечисленных выше дискурсов, а именно Ноева ковчега.

Анализ богатейшего мифологического наследия, включающего в себя десятки различных дилювиальных легенд (от лат. *diluvium* – «потоп»), следует начать с упоминания двух фундаментальных работ по данному вопросу, принадлежащих западным исследователям: монографии *Легенды о потопе* немецкого географа и антрополога Рихарда Андре и книги Джорджа Фрэйзера *Фольклор в Ветхом завете*. Последняя представляет особый интерес с точки зрения попытки ее автора уяснить причинно-следственные связи возникновения одной из древнейших (после мифа о Сотворении мира) легенды и определить ее первоисточник.

Английский ученый приводит текст дилювиальной теории в ее различных вариантах, получивших распространение практически на всем земном шаре, при этом в большинстве случаев ковчег, включая всевозможные его варианты (ящик, плот, лодка), далеко не всегда выступает в качестве единственного способа спасения человечества, если упоминается вовсе. К примеру в легендах Австралии «дарителем жизни» выступает пеликан. В мифах Полинезии и Микронезии помимо традиционных горы и плота, надежным пристанищем во время потопа становится остров. В преданиях Южной Америки распространенным убежищем является дерево (пальма или падуб). Согласно мифологическим представлениям Северной Америки человечество находит спасение на каучуковом шаре, спине черепахи и даже на плавучем острове. В редких для Африканского региона вариациях на тему Всемирного потопа обнаруживаются весьма причудливые, порой фантастические детали – согласно одному из таких «вариантов» люди превращаются в обезьян, согласно другому, обезьяний облик перенимают только мужчины, в то время как женщины оборачиваются ящерицами.

Обзор разнообразных «этнических» вариаций на тему потопа, предпринятый Фрэйзером, приводит его к следующему выводу:

Можно считать доказанным, что сходство, несомненно, существующее между многими из этих легенд, отчасти является результатом прямого заимствования одним народом у другого, а отчасти следствием совпадающих, но вполне самостоятельных наблюдений, сделанных в различных местах земного шара и относящихся к великим

наводнениям или другим чрезвычайным явлениям природы, вызывающим представления о потопе¹.

При этом британский исследователь ставит акцент на хронологическом доминировании шумеро-аккадского предания о Всемирном потопе, вслед за которым следуют более поздние вавилонское, иудейское, древнегреческое и санскритское предания, принципиальным отличием которых от всевозможных этнических вариаций является доминирующей в повествовании образ ковчега.

Если в большинстве перечисленных выше легенд, зародившихся в лоне примитивных цивилизаций, на помощь покорному перед лицом стихии человечеству приходит сама природа (гора, дерево, волшебное животное и т.п.), то в развитом сознании представителей ведущих мировых цивилизаций начинает формироваться идея активного сопротивления природным силам, осознанного противления фатуму, олицетворением которых является рукотворный корабль.

Дискурс Ковчега Жизни впервые оформляется в рамках шумеро-аккадской мифологии. Миф о Зиусудре (в пер. с шумерского «обретший жизнь долгих дней» или в аккадском варианте миф об Ут-напишти/Утнапиштим («нашедший дыхание») строится вокруг личности набожного правителя, который, узнав о потопе, вызванном богами с целью наказать людей, решает выстроить ковчег, дабы спастись от гибели. Руководимый в своих поступках богом-покровителем людей Энки, Зиусудра (Зиудзудду) укрывается на судне и переживает потоп, длящийся 7 дней и 7 ночей. Обретя статус «спасителя семени человечества», бывший правитель приносит жертву богам, а затем и сам становится бессмертным, вместе с супругой обретя вечное пристанище на острове блаженных Тильмун.

Культурно-историческим «продолжением» шумеро-аккадской легенды выступает вавилонский миф, представленный в двух вариациях: мифе об Арахасисе/Атрахазисе и рассказе о потопе, включенном в эпос о Гильгамеше. *Предание об Арахасисе* (в пер. с аккадского «превосходящий мудростью») в отличие от оригинального мифа о Зиусудре, снабжено большими деталями. Согласно легенде, бог Энлил, возмущенный людскими пороками, насылает на человечество всевозможные беды. Справиться с чумой, мором, засухой и голодом людям помогает их верный покровитель – бог Энки. Однако последнее испытание оказывается роковым: все, кроме единственного, преду-

¹ Дж. Фрейзер, *Фольклор в Ветхом Завете*, Москва 2003, с. 38.

прежденного Энки человека, погибают. Атрахазис, убереженный богом от страшной кары, строит ладью «сохраняющую жизнь» и, погрузив на нее семью, ремесленников, скот и травоядных животных, отправляется в далекое плавание. Наградой ему становится вечная жизнь, дарованная богами.

Эпическая поэма о Гильгамеше в двенадцати песнях (таблицах), обнаруженная среди развалин библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии, также содержит упоминание чудесного спасения лучшего представителя человечества – в одиннадцатой части произведения, в виде самостоятельного эпизода, видимо, ранее никак не связанного с общим повествованием. Согласно одной из теорий (Г. Раулинсон), двенадцать песен поэмы о Гильгамеше соответствуют двенадцати знакам зодиака, так что движение рассказа в поэме как бы следует за движением солнца в течение всех двенадцати месяцев года².

В своем исследовании Фрэйзер соглашается с выводом коллеги, отмечая, что «вавилонский одиннадцатый месяц в году приходился как раз на дождливый сезон, был посвящен богу ветров Рамману и, как говорят, назывался “проклятый месяц дождей”»³.

В эпосе о Гильгамеше (в пер. с аккадского «предок-герой») прославленный правитель I династии шумерского города Урука, после своей кончины получивший статус божества, при жизни посетил Ут-напишти. Пройдя через воды смерти, правитель, всерьез задумавшийся о бренности существования, с жадностью внимает рассказу бессмертного о потопе и его чудесном спасении на ковчеге. Вняв предупреждению бога мудрости Эа (шумерский бог Энки), Ут-напишти приступает к строительству корабля:

На пятый день остов был готов. Он построил его в форме баржи, на которую поставил дом в сто двадцать локтей высотой, и разделил дом на шесть ярусов, а в каждом ярусе сделал девять комнат. Он сделал в нем отверстия для спуска воды, обмазал снаружи горной смолой и древесной смолой изнутри⁴.

На седьмой день потопа вода стала убывать, и Ут-напишти выпустил голубя, ласточку, а затем ворона, который единственный не вернулся на ковчег. Принеся положенную жертву, спасенный богом человек обрел статус бессмертного.

² Дж. Фрейзер, *Фольклор...*, с. 40.

³ Там же, с. 40.

⁴ Там же, с. 40.

В книге *Фольклор в Ветхом завете* Фрейзер упоминает и другую версию вавилонской легенды о Всемирном потопе, ставшую известной благодаря Беросу, автору исторического очерка, составленного им в первой половине III в. до н.э. Согласно его записям, это событие произошло в эпоху правления Ксисутруса⁵, десятого царя Вавилонии. Во сне ему явился бог Кронус, предупредивший о грозящем гибелью всему живому потопе, что должен случиться в пятнадцатый день восьмого месяца по македонскому календарю. Повелев царю записать историю мира от его сотворения до настоящего дня и закопать в городе Солнца – Сиппаре, он также наказал ему выстроить корабль, посадить на него родных и друзей, домашних птиц и четвероногих животных и, запасшись едой и питьем, отплыть из страны к богам, что уже ожидали его. Выстроенное Ксисутрусом судно равнялось пяти стадиям в длину и двум стадиям в ширину⁶. По мере спада воды царь выпускал на волю птиц, но те, не найдя приюта, возвращались на корабль. Спустя несколько дней птицы вернулись со следами глины, а затем и вовсе исчезли за горизонтом, указав тем самым на близость суши. Сойдя на берег вместе с женой, дочерью и кормчим, Ксисутрус воздал почести земле, построив алтарь и принеся жертву богам. В благодарность за проявленное благочестие он был призван ими, после чего никто из спасшихся на ковчеге бывшего правителя больше никогда не видел своего царя.

В недрах **иудаистической мифологии** миф о Всемирном потопе, который боги ниспослали на землю в наказание за людские грехи, получил дальнейшее развитие и иную интерпретацию. Единственный праведник среди безбожников, Ной («успокаивающий»), потомок Адама в девятом колене, выстроил трехъярусный ковчег, на каждом уровне которого, начиная с низшего, он расположил животных, людей и птиц. Прообразом ковчега стала просмоленная корзинка, в которой совершил свое первое путешествие по водам Нила младенец Моисей. В ветхозаветной притче детально описывается количество обитателей ковчега, которым было дозволено ступить на его борт: одна пара наземных животных, семь пар ритуально чистых животных и одна пара нечистых, а также восемь людей, среди которых были Ной, его супруга и сыновья с женами. Согласно мифу, дождь продолжался сорок дней и сорок ночей, вода прибывала сто пятьдесят дней, и лишь, когда она пошла на убыль, ковчег пристал на Ара-

⁵ Очевидным является сходство имени этого правителя и героя шумеро-аккадского мифа – Зиусудры.

⁶ 1 вавилонский стадий – 194 метра.

ратских горах. По истечении еще сорока дней Ной выпустил ворона, а затем голубя, которые, так и не найдя суши, вернулись на корабль. На седьмой день голубь принес свежий листок маслины, а спустя неделю больше не возвращался на судно.

Спустя 365 дней после начала потопа обитателям Ковчега было дозволено сойти на берег, тогда же была принесена жертва Яхве (первое упоминание о жертвоприношении в библейском тексте о «праотцах») и заключен «завет», согласно которому на земле устанавливается круговращение времен года, людям позволено употреблять в пищу обескровленное мясо животных, введен запрет на убийство человека, а невозможность повторения потопа гарантирована появлением в небе радуги.

В отличие от своих предшественников, героев шумеро-аккадской мифологии, Ной не обретает бессмертия: его жизненный путь долог, но конечен. Родоначальник нового поколения людей, он выступает не только в роли культурного героя, обретшего долголетие как дар богоизбранному, но и в роли зачинателя нового уклада жизни: ему люди обязаны распространением виноделия и рабства. Амбивалентный характер ветхозаветного образа во многом не совпадает с той идеалистической трактовкой, что представлена в шумеро-аккадском, вавилонском и санскритском мифах.

Согласно **древнегреческой** интерпретации мифа о Всемирном потопе, дошедшей до наших дней благодаря пересказам Аполлодора, прародителем человечества является Девкалион, сын Прометея, правитель города Фтия. Вместе со своей женой Пиррой, дочерью Пандоры, первой женщины, сотворенной богами, он оказывается единственным праведником, которого не коснулся гнев Зевса, наславшего страшный потоп на все человечество в наказание за его непокорность. Следуя совету Прометея, Девкалион строит «ящик», на котором он и Пирра спасаются во время 9-дневного потопа. На десятый день пристав к горе Парнас (по другой версии местом возрождения человеческой расы стала Этна), Девкалион приносит жертву, в ответ получив от Зевса знание, как возродить человечество. Бросая через голову камни («кости праматери» земли), Пирра становится прародительницей женщин, а ее супруг родоначальником нового поколения мужчин.

У Лукиана содержится иной вариант легенды о Девкалионовом потопе. Единственный праведник, он избежал наказания Зевса, посланного на головы нечестивцев, построив большой корабль, на который позвал жен и детей своих, а также всех земных животных попар-

но⁷. Внезапное прекращение потопа Лукиан объясняет появлением пещеры, в которую стекла вся вода, покрывавшая сушу – по его словам, на этом месте Девкалион возвел жертвенники и выстроил храм в честь богини Геры.

До наших дней сохранились отрывочные данные и о некоторых других античных преданиях, повествующих о Всемирном потопе. В частности, Фрэйзер указывает на две легенды о великой катастрофе, упомянутые древними учеными и связанные с античными царями Огигесом и Дарданом, между эпохами правления которых произошел второй по счету, Девкалионов, потоп.

Различные вариации легенды о Всемирном потопе и чудесном ковчеге, что спас человечество от неминуемой гибели, содержатся также в **санскритской мифологии**. Один из таких «вариантов» изложен в прозаическом сочинении по вопросам священных ритуалов *Сатапатха Брахмана*, созданном не позднее VI в. до н.э. В легенде повествуется о говорящей рыбе, которая предупредила Вайвасвату из рода Ману о приближающейся трагедии. Однажды увидев ее в воде, принесенной для умывания, Ману услышал просьбу волшебного существа (воплощение Вишну) взрастить его. В благодарность рыба обещала спасение во время потопа. Однажды она молвила: «В таком-то году произойдет потоп. Ты должен тогда вспомнить обо мне и построить судно, а когда начнется потоп, взойди на него, и я спасу тебя от потопа»⁸. В разгар великого бедствия Ману взобрал на построенный им корабль, а увидев рыбу, привязал к ее плавнику канат и вскоре приплыл к далекой горе, на которой затем и высадился⁹.

Предпринятая выше попытка проследить становление дискурса Ноева ковчеге (на материале разнообразных легенд и преданий мировой мифологии) с точки зрения анализа его интрадискурса, исследования т.н. нити дискурса (по выражению М. Пеше), логически

⁷ Стоит отметить появление этой детали в новой «улучшенной» версии мифа, в котором прежде ни слова не говорилось о возрождении животного мира.

⁸ Дж. Фрейзер, *Фольклор...*, с. 58.

⁹ В более ранней версии Ману становится зачинателем нового рода людей, создавая женщину из масла, кислого молока, сыворотки и творога, при этом ни слова не говорится о продолжении животного и растительного миров. В позднейшем варианте легенды культурный герой берет с собой на ковчег друзей-философов, растения и животных, не позаботившись, однако, о жене и детях. По мнению Фрейзера, в подобном расхождении деталей вавилонского и санскритского мифов проявляется национальное различие между мировоззрением двух культур – «трезвым благоразумием семитического ума и мечтательным аскетизмом индийского» (Дж. Фрейзер, *Фольклор...*, с. 93).

выводит на рассуждение о «смысловом гене», сохранившимся в его недрах, а именно о природе преконструкта.

Традиционно с образом ковчега принято связывать ветхозаветную притчу о Всемирном потопе и богоизбранном Ное, ставшем продолжателем человеческого рода нового поколения. Влияние иудаистической легенды очевидно в ряде «этнических» версий делювиальной теории – традиционным прежде считался взгляд на множество подобных преданий как на апокрифические версии единственно подлинного рассказа о вселенской катастрофе, описанного в книге Бытия. По всей вероятности, однако, историческое первенство следует отдать шумеро-аккадскому преданию. Обнаруженная американскими археологами при раскопках в Ниппуре отрывочная версия легенды о Всемирном потопе, написанная на шумерийском языке, датируется 2100 г. до н.э. Существует предположение, согласно которому легенда появилась гораздо раньше, поскольку уже к концу третьего тысячелетия шумерийцы прекратили свое существование как отдельная нация, ассимилировавшись с подавляющим семитским населением страны, в то время как памятники их культуры продолжали вызывать интерес и активно переписывались.

Сопоставление шумерского текста и ветхозаветного, конкурирующего с ним за право именоваться первоисточником, или, согласно принятой в настоящем исследовании терминологии, преконструктом, указывает на тесное сходство двух рассматриваемых легенд. Найденный в Ниппуре отрывок служит продолжением рассказа о сотворении человека (как и в библейском тексте, подчеркивается акт создания людей прежде животных); сближает две версии мифа и причинно-следственная связь сотворения человеческого рода и наказание его за грехи. Подобное сходство оказывается решающим в вопросе о национальной принадлежности оригинального мифа – семитские племена, заселявшие плодотворные земли долины Нижнего Евфрата явились наследниками богатейшей культуры оформившейся к тому времени шумерской цивилизации, в лоне которой уже бытовала легенда о Великом Ковчеге Жизни.

SUMMARY**The discourse of ship in mythology**
(analysis of Noah Ark's intradiscourse)

This article is devoted to the analysis of the ship discourse in the world mythology, and Noah Ark's intradiscourse study in particular. The ship is regarded as one of the components of the universal mythopoetic triad together with tree and rose. In the framework of the West European art, it functions in five main ways: the Old Testament Noah Ark, the antique boat of Charon, the Norse Naglfar, the Medieval Ship of Fools and the Flying Dutchman of Romanticism. All these "roles" can be concerned as independent discourses forming the interdiscourse of the present day ship. What seems to be essential is the study of its intradiscourse, i.e. the diversity of all the elements included in the structure of later discourse. Within the framework of this article only the analysis of Noah Ark's intradiscourse is represented. The components forming the "thread of discourse" (M. Pechet) comprise various national variants of the Deluge theory: the Sumerian and Akkadian myth, the Babylonian legend, the Old Testament parable, the ancient Greek myth and the Sanskrit fable, the first being assumed as the preconstruct of this discourse.